

18+

КРОВЬ И ХВОЯ

ДАНА ПАВЛОВА

Дана Павлова

Кровь и хвоя

<https://litres.ru/74369588>

ISBN 9785007076937

Аннотация

В мире оборотней юная целительница Яра обнаруживает уникальную способность слышать мысли врага. На границе стай появляются знаки с серебром и раненый волк — кто-то намеренно пытается разжечь войну.

Только Яре под силу предотвратить конфликт. Но для этого придётся разгадать тайну своей способности и сделать выбор между долгом и сердцем.

Содержание

Пролог. След на мокрой земле	5
Глава 1. Волчий след	12
Глава 2. Вожак	27
Глава 3. Серебряная нить	43
Глава 4. Враг на пороге	53
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Кровь и хвоя

Дана Павлова

© Дана Павлова, 2026

ISBN 978-5-0070-7693-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. След на мокрой земле

Пятилетняя Яра зажала уши ладонями и крепко зажмурилась, но это не помогало. Шум был не снаружи — он гудел прямо под черепом.

Ментальная связь стаи для щенков была похожа на комнату, в которой одновременно говорят десятки людей. Кто-то жаловался на сырость. Кто-то звал брата. Острый, колющий страх дозорного у восточного рубежа, наступившего на колючку. Глухое раздражение матери из-за того, что влажные дрова никак не разгорались. Обрывки мыслей, чужие голоса, вспышки чужого настроения — всё это лезло в голову без спроса, и Яра тихо заскулила, пытаясь забиться в самый тёмный угол под лавкой.

Щенки Таёжных всегда начинали слышать стаю раньше, чем учились чётко говорить вслух. Но научиться фильтровать этот хаос было тяжело.

А потом скрипнула дверь.

Хаос мгновенно стих — придавленный чем-то огромным, ровным, незыблемым. Яра открыла глаза и выдохнула. В дом вошёл отец. Игорь не произнёс ни слова — ни вслух, ни мысленно. Но его присутствие вожака в ментальной сети ощущалось как тяжёлый, надёжный купол, под которым чужие голоса превращались в уважительный, тихий шёпот.

Яра вылезла из-под лавки. Пока отец рядом, в её голове

было тихо, а земля не уходила из-под ног.

Но были вещи, от которых не мог защитить даже он. О них молчали у очага. Прятали за долгими взглядами и резко обрывали мысли по сети, когда в комнату входил кто-то из младших. Яра знала только одно слово, от которого взрослые мгновенно закрывались ментальными щитами, а их запахи становились горькими.

Граница.

Мир за ней был запретным. А для пятилетнего ребёнка запрет звучит как приглашение.

В тот день за ней поручили следить Мирону.

Ему было семь, и он воспринял просьбу отца с той торжественной серьёзностью, которая бывает только у мальчишек, впервые почувствовавших себя взрослыми. С ним был Артём — его ровесник, лучший друг и неизменная тень.

Они сидели на поваленном дереве у ручья. Яра возилась в грязи, строя плотину из веток. Мирон сверлил её взглядом, в котором боролись братская любовь и жгучее желание оказаться сейчас где-нибудь в другом месте, подальше от «мелких».

— Яра, не лезь в воду, — сказал Мирон вслух.

— Там жук.

— Пусть плывёт.

— Он утонет!

— Волки не спасают жуков, Яра. Отойди от воды.

Артём тихо фыркнул, глядя, как Яра молча игнорирует брата и тянется за веткой. Мирон закатил глаза и отвернулся к другу всего на минуту. Чтобы сказать какую-то колкость.

Этой минуты хватило.

Яра не собиралась убежать. Она просто подняла голову от ручья, потому что ветер неожиданно переменился.

Тайга пахла сыростью, прелой листвой, грибами и тёплой смолой. Но этот запах... он вспорол привычный лесной воздух, как лезвие. Он был абсолютно чужим. В нём мешалась хвоя — но не местная, тёплая, а ледяная, промёрзшая до сердцевины. А ещё — запах расколотого камня и далёкого дыма.

И самое странное: в этом запахе была абсолютная, звенящая ментальная тишина.

Каждое живое существо в их лесу, каждый волк имел свой «голос» в сети. А этот запах был слепым пятном. Вакуумом.

Любопытство оказалось сильнее здравого смысла. Детское тело само, инстинктивно перетекло в звериное — на четырёх лапах идти по следу было проще и быстрее. Маленькая рыжеватая волчица беззвучно скользнула в кусты, ведомая запахом, который тянул её за собой.

Она выбежала к краю Северного оврага и замерла.

Тайга здесь словно онемела. Не пели птицы, не шумел ветер в кронах. Всё внимание леса было приковано к противоположной стороне оврага.

Там, между молодыми елями, стоял волчонок.

Он был старше неё. Крупнее. Шерсть тёмная, густая, почти взрослая. Но поразило Яру не это. Поразила его неподвижность. Щенки так не стоят — они переминаются, суетятся, скулят или ментально фонят эмоциями. Этот стоял как изваяние. И от него не исходило ни звука, ни единой мысли. Он был полностью закрыт от её мира.

Яра наклонила голову набок. Волчонок не пошевелился. Только его глаза — неестественно светлые, прозрачно-серые — внимательно изучали её. Без страха. Без угрозы. Спокойно и холодно.

Её потянуло вперёд. Яра сделала шаг к краю оврага.

Волчонок зеркально повторил её движение. Шаг. Плавный, беззвучный.

Они оказались у самых краёв, разделённые лишь глубокой промоиной и невидимой чертой, о которой ни один из них ещё не думал. Яра принялась. Запах морозной хвои стал гуще. А потом она заметила тёмное пятно на его передней лапе. Засохшая кровь. Ссадина, ерунда, но из груди Яры сам собой вырвался тихий, тонкий скулёр. Ей захотелось подойти и лизнуть рану.

Волчонок чуть вздёрнул подбородок. В его позе что-то изменилось — не испуг, а осторожность. Та взрослая выдержка, которая у других щенков появляется позже, а у него, видимо, была с рождения. Он подался вперёд, словно собирался подойти ближе.

И в этот момент её сознание взорвалось.

«ЯРА!»

Ментальный крик Мирона ударил по её разуму так сильно, что она прижала уши. Следом из кустов вылетел он сам. Серая торпеда, сотканная из слепого, животного ужаса семилетнего мальчишки, который понял, что потерял сестру у самой границы.

Он сбил Яру плечом, отбрасывая её от края в мокрую траву, и в ту же секунду развернулся к оврагу, оскалив зубы. Шерсть на его загривке стояла дыбом. Артём выскочил следом, бесшумно занимая позицию чуть сбоку, прикрывая другу спину. По ментальной связи от них обоих исходила глухая, колючая паника.

Яра возмущённо твякнула, барахтаясь в папоротниках, но Мирон загородил ей обзор всем телом.

— Уходи! — прорычал Мирон через овраг вслух, потому что ментально достучаться до чужака не мог.

Яра высунула нос из-за брата. Она ожидала, что чужой волчонок испугается. Подождёт хвост. Убежит. Их двое, они старше, и он на их границе.

Но чужак даже не дрогнул.

Он посмотрел на оскаленного Мирона с ледяным спокойствием. Оценил расстановку сил. Потом перевёл взгляд на Яру, выглядывающую из-за чужого плеча.

Он смотрел на неё секунду. Может, две. Но Яре показалось, что время остановилось. Этот взгляд прошил её насквозь — прямой, изучающий, недетский.

Затем чужак медленно, не отводя глаз, сделал шаг назад. Растворился в тени ельника так же бесшумно, как появился.

Мирон резко обернулся к сестре. Ужас уже схлынул, уступив место жгучей обиде и злости. Он перекинулся обратно в мальчишку.

«Ты что творишь?!» — рявкнул он в её голову, тяжело дыша. Кулаки были сжаты. — Куда ты полезла?!

Яра тоже вернулась в человеческий облик. Она сидела в мокрой траве и упрямо смотрела на брата.

— Я просто смотрела.

— На кого?!

— На него.

Мирон уставился на неё так, будто она сказала что-то на непонятном языке. Артём позади него устало потёр лицо.

— Ещё раз, — голос Мирона дрожал от злости, а по ментальной связи хлестнуло угрозой, — ещё раз ты подойдёшь к границе... Я всё расскажу отцу. Поняла?

Для пятилетки это была самая страшная кара. Яра насупилась.

— Поняла.

Она врала. Мирон знал, что она врёт. Артём знал, что они оба знают.

Мирон схватил её за руку и потащил прочь от оврага. Яра шла, спотыкаяясь, но перед тем, как деревья скрыли границу из виду, она обернулась.

На той стороне никого не было.

Но запах морозной хвои, камня и дыма всё ещё висел в воздухе. Он осел в её лёгких, впитался в память.

Глава 1. Волчий след

Запах крови она почувствовала раньше, чем увидела след.

Яра остановилась так резко, что Артём, бежавший в трёх шагах позади, едва не врезался в неё. Они были в волчьем обличье — привычная форма для утреннего патруля вдоль приграничной полосы. В звере мир ощущался иначе: ярче, острее, честнее. Каждый запах раскладывался на составляющие, каждый звук имел направление и расстояние.

Утренний лес был влажным и тихим после ночного дождя. Под лапами пружинил мох, с ветвей срывались тяжёлые капли, между кедрами стелился туман. Обычное утро. Обычный патруль по своей стороне границы.

Но запах был неправильным.

«Что?» — по личной линии пришёл голос Артёма.

Яра замерла, подняв переднюю лапу. Медленно втянула воздух. Знакомые запахи леса складывались в привычную картину: сырая земля, прелая хвоя, смола, мокрая кора. И под ними — кровь.

Совсем немного. Но свежая. И тонкий, едва уловимый привкус, от которого шерсть на загривке встала дыбом.

Серебро.

Кровь и серебро. На их стороне границы.

Яра сошла с тропы. Нос к земле. Артём двинулся следом — бесшумный, настороженный. На мху темнели несколько

капель, почти впитавшихся. Рядом — примятая трава. Дальше — узкая борозда, будто что-то тяжёлое протащили по земле.

«Серебро,» — подтвердил Артём. В его мысленном голосе звучало холодное напряжение. *«На нашей территории.»*

Яра обнюхала отпечаток в мягкой земле. Волчий. Крупный — значительно крупнее, чем её собственная лапа. Глубокий, продавленный. Тяжёлый зверь.

«Самец,» — послала она. — *«Шёл на трёх лапах. Правую заднюю берёг.»*

Артём обошёл след по дуге, принюхиваясь.

«Не наш. Запах чужой.»

«Знаю.»

Чужой волк. Раненый серебром. На их стороне приграничной полосы. Это меняло всё. Если бы кровь нашли дальше от границы — можно было бы списать на случайность, на забредшего зверя. Но здесь, в полосе, которую патрулировали каждое утро, — это либо вторжение, либо провокация. В любом случае — серьёзно.

«Нужно сообщить Миرونу,» — произнёс Артём.

«Подожди. Давай пройдем по следу. Мне нужно понять, откуда он пришёл и куда ушёл.»

«Яр.»

Её имя прозвучало с интонацией терпеливого сомнения.

«Кровь на нашей территории, Артём. Серебро на нашей территории. Мне нужно знать — это вторжение или кто-

то подбросил.»

Пауза. Артём взвешивал.

«Ладно. Но недолго. Мирон ждёт нас через час.»

Они двинулись по следу. Два волка, бесшумно скользящие между деревьями. Яра впереди — нос к земле, уши прижаты. Артём — чуть позади и правее, контролируя фланг. Отлаженный годами механизм.

След становился отчётливее. Крови стало больше — тёмная, густая, короткими мазками на траве и камнях. Чужой волк перестал выбирать твёрдые участки, шёл прямо, напролом, оставляя глубокие, неровные отпечатки.

«Кто бы его ни ранил, далеко он не уйдёт,» — голос Артёма в голове звучал мрачно.

Яра не ответила. Её тревожило другое. Запах. Под кровью и серебром проступало что-то ещё. Оно появлялось рывками — то накатывало, то исчезало, словно ветер не мог решить, в какую сторону дуть.

Морозная хвоя. Мокрый камень. Далёкий дым.

Яра остановилась. Подняла голову от земли. Что-то глубоко в памяти шевельнулось — смутное, не оформленное в образ. Ощущение, будто когда-то, очень давно, она уже вдыхала этот воздух. Овраг. Тишина. Что-то важное. Но воспоминание ускользало, как рыба из-под лапы.

«Яра?» — Артём мгновенно оказался рядом. *«Что случилось?»*

«Ничего. Запах показался знакомым.»

«Знакомым?»

«Показалось.» — Она тряхнула головой, сбрасывая наваждение. Серебро путает обоняние. Она знала это из опыта.

«Ладно. Но если станет хуже — разворачиваемся,» — произнёс Артём.

«Определение „хуже“?»

«Я пойму.»

Они пошли дальше. Кедровые стали выше, подросток — гуще. Впереди нарастал шум воды. Северный овраг был близко. Яра понимала, что они ушли далеко — дальше, чем планировали. Их не будет на точке сбора вовремя. Мирон начнёт нервничать.

Но след вёл вперёд, и кровь на их земле требовала ответов.

Лес замолчал.

Не постепенно — разом. Птицы, насекомые, шорох мелкой живности в подростке — всё оборвалось, будто кто-то закрыл невидимую дверь.

Яра замерла. Уши развернулись вперёд. Артём встал рядом — плечо к плечу, шерсть к шерсти.

Она раздвинула носом еловые ветки. Внизу лежал овраг — широкий, заросший молодым ельником, с ручьём по дну. За ручьём начиналась чужая земля.

На противоположном склоне, между двумя кедрами, сто-

ял волк.

Большой. Заметно крупнее любого молодого волка из их стаи. Правая задняя лапа едва касалась земли, бока тяжело вздымались, тёмная шерсть слиплась от крови. Он тяжело дышал, но стоял прямо. Не как загнанный зверь. Как тот, кто отдал бы последние силы, чтобы не упасть.

Запах ударил Яру в полную силу. Морозная хвоя, камень, дым.

«*Вот он,*» — послал Артём. В его голосе — настороженность.

Волк поднял голову. Их взгляды встретились.

Серые глаза. Прозрачные, светлые, с тёмным ободком вокруг радужки. Спокойные. Внимательные. Он смотрел на неё без угрозы, без мольбы. Просто — смотрел. Изучал. Запоминал.

И тогда это произошло.

В ментальной тишине её сознания, где до этого звучали только голоса стаи — Артём рядом, далёкий фон поселения, — с оглушительным щелчком открылась новая линия.

Голос.

Глубокий. Спокойный. Незнакомый. Чёткий, будто волк стоял прямо за её спиной, а не на другой стороне оврага.

«*Не пересекай черту.*»

Яра отшатнулась. Лапы подкосились, и она едва не скатилась вниз по склону.

Этого не может быть. Ментальная связь не работает меж-

ду чужаками. Это закон. Чтобы слышать чужой голос в своей голове, нужны годы бок о бок, общая стая, общая кровь. Незнакомый волк из чужой стаи не может заговорить с ней мысленно. Физически. Не. Может.

Если только...

Нет.

«Яра?!» — голос Артёма. Встревоженный. «Что с тобой?»

Она быстро выровнялась. Сердце колотилось так, что, казалось, стук слышен на другой стороне оврага.

«Ничего. Поскользнулась.»

«На ровном месте?»

«Мох мокрый.»

Артём замолчал. Не поверил, но не стал давить.

Яра уставилась на чужого волка. Серые глаза смотрели на неё всё так же спокойно. Ни тени усмешки. Ни повторного обращения. Он просто стоял и ждал. Молча. Будто и не было никакого голоса.

Показалось, — яростно подумала Яра. — Показалось. Серебро. Испарения. Стресс. Мало спала.

Она заставила себя сосредоточиться на том, что видела. Рана. Глубокая, рваная, правый бок. Края почернели — верный признак серебряного отравления. Кровотечение не останавливается. Регенерация заблокирована. Если не обработать в ближайшие часы — заражение, потом некроз, потом смерть.

Целитель в ней считал автоматически, хладнокровно, вопреки панике. Это был единственный якорь, за который она могла держаться.

«Рана серьёзная,» — послала она Артёму, стараясь, чтобы мысленный голос не дрожал. — *«Серебро глубоко. Если не обработать...»*

«Яра. Он на чужой стороне.»

«Я вижу. Но кровь была на нашей. Он шёл через нашу территорию. Мне нужно понять — зачем.»

«Для этого не нужно переходить овраг.»

«Я и не собираюсь.»

Она шагнула ближе к краю. Одна лапа. Другая. Мох под когтями был скользким от росы. Отсюда рана была видна лучше — рваные края, тёмная сукровица. Серебро сидело глубоко, возможно, осколок проволоки остался внутри. Без извлечения рана не затянется. Без очистки — смерть в течение суток.

«Яра...» — голос Артёма стал жёстче.

«Я просто смотрю.»

Ещё шаг.

Волк на той стороне по-прежнему не двигался. Не скалился. Не рычал. Не повторял свою невозможную фразу. Просто стоял и смотрел с тем терпеливым, нестигаемым достоинством, которое казалось неестественным для раненого зверя.

И именно это спокойствие — больше, чем запах, больше, чем голос — не давало Яре отвернуться. Любой другой волк

давно бы ушёл, или бросился, или показал живот. Этот — нет. Он стоял у границы, которую не пересёк, истекая кровью, которую не пытался остановить, и ждал чего-то, о чём Яра могла только гадать.

«Ему нужна помощь,» — послала она.

«Не наша.»

«Артем, он умрёт.»

«Это чужой волк на чужой территории. Мы не можем.»

Она знала, что он прав. Знала. И всё равно сделала ещё один шаг к краю.

В этот момент позади — далеко, но отчётливо — захрустел валежник. Быстрые тяжёлые лапы. Несколько пар. Кто-то бежал по их следу.

Мирон вылетел из подлеска на полной скорости.

Он был в волчьем обличье — крупный, тёмно-серый, с вздыбленной шерстью на загривке. За ним — двое патрульных, тоже в зверях, напряжённые и готовые к бою.

Мирон не посмотрел на овраг. Его мысленный голос ударил по семейной связи — жёсткий, хриплый, задыхающийся от бега и страха.

«Цела?!»

Не вопрос — требование. Яра поняла мгновенно: они не вернулись вовремя. Мирон нашёл их след — и кровь на нём. И решил, что кровь — её.

«Цела,» — быстро ответила она. — *«Мирон, это не моя*

кровь. Мы нашли чужой след...»

Но Мирон уже увидел её — целую, стоящую на краю оврага, — и облегчение ударило по семейной связи так сильно, что Яра физически ощутила, как у брата подкосились лапы. На долю секунды. Потом он взял себя в руки, и облегчение сменилось яростью.

«Вы должны были вернуться час назад! Я нашёл кровь на тропе и думал...» — Он оборвал себя. То, что он думал, Яра и так поняла.

«Прости. Мы пошли по следу. Кровь чужая. Серебро. Раненый волк...»

Мирон наконец посмотрел через овраг. И замер.

Яра слышала по связи, как брат узнал чужого волка. Мысленный голос оборвался на полуслове. Секунда тишины. Потом — тихое, сквозь стиснутые зубы:

«Назад.»

— Он ранен, Мирон, — Яра перекинулась в человека, чтобы говорить вслух. Стоять голой на мокром мхе было холодно, но ей нужен был голос, а не мысль. Голосом труднее соврать, но легче убедить. — Серебро. Глубоко. Я могу помочь.

Мирон тоже перекинулся. Одним текучим движением — зверь, человек. Лицо белое, скулы острые от напряжения.

— Не твой пациент, — отрезал он.

— Любой раненый — мой пациент.

— Не этот.

По связи: *«Не спорь. Пожалуйста.»*

Но Яра не могла отступить. Перед ней умирал живой зверь, и каждая секунда промедления означала, что серебро проникает глубже в кровь. Целитель в ней кричал.

И ещё — на самом краю сознания, там, где она отказывалась смотреть, — молчала тонкая, невозможная линия.

Мирон подошёл ближе. Говорил тихо, но каждое слово падало как камень.

— Послушай. Если раненый Северный умрёт возле нашей границы, никто не станет сначала искать правду. Я нашёл кровь на нашей тропе и решил, что тебя ранили. Представь, что решат Северные, когда найдут своего волка мёртвым у нашего оврага.

«Мирон прав,» — это Артём, тоже уже в человеческом обличье. В его голосе — мучительное сочувствие. *«Яра, вернись.»*

— Пока мы спорим, он умрёт, — она слышала, как срысывается собственный голос.

— Если он умрёт там, это будет на их земле, — ответил Мирон.

Слова ударили. Оставить пациента? Бросить раненого, которого она может спасти, из-за невидимой линии на земле?

И тогда она рванулась.

Не подумав. Тело двинулось само — рывком, на чистом инстинкте целителя, помноженном на что-то другое, чему она отказывалась давать имя. Переход ударил мгновенно —

кости, мышцы, кожа — и волчица метнулась к оврагу.

Её глаза вспыхнули жёлтым.

«*НЕТ!*» — Мирон.

Он перекинулся в долю секунды. Серый волк ударил её в плечо всем весом. Яра рухнула в мокрый мох. Попыталась вывернуться — вслепую, оскалившись. Мирон навалился сверху, прижав лапой к земле.

Из его груди вырвался рык. По семейной связи — голос будущего вожака:

«*ЛЕЖАТЬ.*»

Приказ вдавил её в землю. Яра задохнулась — не от веса, от осознания. Она снова потеряла контроль. Бросилась за границу. Бросилась на брата.

Ужас затопил разум.

Она перестала вырываться. Обмякла. Мирон держал ещё секунду.

«*Я здесь. Всё. Всё хорошо,*» — его мысленный голос дрожал.

Потом медленно отступил.

Яра лежала во мхе и смотрела через овраг. Чужой волк всё ещё был там. Он видел всё — как она рванулась, как её повалили. Не сделал ни шага. Не вмешался. Только смотрел своими светлыми глазами.

В её голове — тишина. Новая линия молчала. Никаких слов, никаких голосов. Только сам факт её существования висел на краю сознания, как заноза.

Волк медленно опустил голову. Не покорно. Не трусливо. Признавая решение Мирона. Признавая границы. Потом медленно повернулся и начал уходить. Каждый шаг давался ему через усилие — правый бок блестел от крови, лапа волочилась.

В самый последний момент, перед тем как ельник поглотил его, он остановился. Обернулся.

Один взгляд. Прямой, спокойный, светлый.

Яра зажмурилась — и волк исчез.

Мирон перекинулся первым. Оделся — быстро, по-военному. По общей связи передал патрульным: *«Занять позиции у оврага. Наблюдение. Без контакта.»*

Яра перекинулась следом — медленно, неохотно. Артём молча протянул одежду из патрульной сумки.

«Ты в порядке?» — его мысленный голос.

«Да. Я просто... среагировала как целитель. Увидела рану, серебро — и не смогла остановиться.»

Долгая пауза.

«Хорошо,» — произнёс Артём. Без спора. Без нажима.

Но Яра знала: он запомнил. Жёлтые глаза. Неконтролируемый рывок. Запомнил и убрал туда, где хранил вещи, о которых не говорил, пока не наступало время.

Мирон стоял в стороне. Лицо жёсткое, закрытое. По семейной связи — непроницаемая стена.

«Мирон,» — позвала Яра по личной линии.

Стена.

«Прости, что напугала. Я думала, что могу помочь. Это был инстинкт. Ничего больше.»

Стена не шевельнулась. Но через несколько секунд по связи прозвучал его голос — глухой, ровный:

«Когда я нашёл кровь на троне, я думал, что ты мертва. Две минуты. Две минуты я бежал по следу и думал, что моя сестра мертва.»

У Яры перехватило горло.

«Мирон...»

«Домой.»

Они пошли. Мирон — впереди, Яра — посередине, Артём — замыкающим. Тот же порядок, что и тринадцать лет назад.

Артём нарушил молчание первым. Не по связи — вслух.
— Ты его раньше видела?

— Нет, — ответила Яра. Быстро. Слишком быстро.

— Запах показался знакомым. Ты сама сказала.

— Серебро путает обоняние.

— Может быть.

Он не стал спорить. Не стал уточнять. Яра была ему за это благодарна — и одновременно знала, что Артём не отпустит. Он просто ждал. Он всегда ждал.

Они шли молча. Яра думала о ране. О серебре. О том, что чужой волк стоял на своей стороне, хотя мог пересечь

границу и попросить о помощи. О его глазах — спокойных, светлых, внимательных.

Не думала о голосе. О трёх словах, прозвучавших в её голове. *Не пересекай черту.*

Потому что, если думать об этом, придётся признать, что закон был нарушен. Что чужак заговорил с ней ментально — без стаи, без крови, без лет совместного доверия. Что существует только одно объяснение, и оно звучит как сказка, в которую Яра отказывалась верить.

Она повторяла это, как молитву.

Поселение почувствовало их раньше, чем они вышли к домам.

Голоса стаи загудели в голове с немymi вопросами. Мирон передал по общей сети: *«Всё в порядке. Ложная тревога.»*

У колодца застыла Лада. На крыльце сидел Савелий, не раскуривая трубку.

По ментальной сети прокатился тяжёлый голос вожака. Игорь.

«Мирон. Яра. Ко мне.»

Два слова. Непререкаемая тяжесть Альфы.

Яра прикрыла глаза. Спорить с Мироном она могла. С отцом — нет.

Они пошли к большому дому. А где-то далеко, за километрами леса, тонкая, невозможная линия в её голове висе-

ла пустой и безмолвной.

Впервые Яра не стала убеждать себя, что это серебро.

Глава 2. Вожак

Отец ждал их в большом доме.

Огонь в очаге горел ровно. В комнате пахло дымом, свежими травами и мокрой одеждой. У дальней стены стоял длинный стол с разложенной картой — бумажной, от руки, с пометками красным и синим карандашами. Рядом с Игорем негромко разговаривал Савелий. Услышав шаги, оба повернулись.

Яра давно заметила одну особенность. Отцу не нужно было повышать голос. Он входил в комнату — и воздух менялся. Его ментальное присутствие ложилось на сеть стаи тяжёлым, ровным куполом, и каждый невольно затихал. Не из страха — из привычки. Так замолкают, когда заговаривает человек, который отвечает за всех.

У окна стояла мать. Рита бросила на дочь быстрый взгляд — ореховые волосы растрёпаны, на скуле грязь, карие глаза злые и настороженные. По семейной связи коснулось короткое: «*Цела.*» Не вопрос. Констатация для самой себя.

Игорь посмотрел сначала на Мирона — тот стоял прямой, жилистый, с каменным лицом и стиснутой челюстью, взгляд упёрт в стену. Потом на Артёма — тот держался чуть позади, спокойный, собранный, но его карие глаза с жёлтыми прожилками ни на секунду не отрывались от Яры. И только после этого — на дочь.

— Все целы?

— Да, — ответил Мирон.

Яра промолчала. По связи от неё шла глухая, закрытая тишина — она заперлась, насколько могла. Но Игорь был вожаком. Он чувствовал состояние каждого волка не через эмоции — через ментальное давление, через тональность мысленного голоса, через то, как человек молчит.

— Яра.

Она подняла голову.

— Цела.

— Ты согласна с братом?

Она усмехнулась.

— Если спрашиваешь, жива ли я — да. Если спрашиваешь, всё ли в порядке — нет.

Уголок губ Игоря едва дрогнул.

— Рассказывай.

Яра собралась с мыслями. Начала коротко, сухо. Утренний патруль. Они с Артёмом шли в зверях вдоль приграничной полосы. Нашли кровь — свежую, с примесью серебра. На их стороне. Пошли по следу. След привёл к оврагу. На противоположном склоне — раненый волк. Большой, тёмный, с серебряной раной в правом боку.

— Мы не пересекали границу, — добавила она. — Он стоял на своей стороне.

Игорь слушал молча. Потом:

— Мирон.

Мирон выпрямился ещё сильнее — хотя казалось, что сильнее некуда.

— Они не вернулись к точке сбора, — его голос был ровным, рабочим, но по семейной связи Яра слышала, как он контролирует каждое слово. — Я пошёл по их следу. Нашёл кровь на тропе.

Пауза. Короткая. Тяжёлая.

— Решил, что Яра ранена.

Рита у окна чуть сжала пальцы на подоконнике. По семейной связи от неё не пришло ни звука, но Яра заметила, как побелели костяшки.

— Взял двоих патрульных и побежал, — продолжил Мирон. Голос по-прежнему ровный, но в горле что-то хрипнуло. — Нашёл их у оврага. Яра стояла на краю. Рядом — Артём. На той стороне — чужой волк.

— Дальше, — сказал Игорь.

Мирон помедлил.

— Яра хотела перейти границу.

— Я хотела осмотреть рану, — тут же вставила Яра.

— Она хотела перейти границу, — повторил Мирон, не глядя на неё. — Я её остановил.

Игорь перевёл взгляд на дочь.

— Это так?

Яра стиснула зубы. Врать вожаку по ментальной связи было бесполезно — не потому, что он читал мысли, а потому, что ложь меняла тональность мысленного голоса, и Игорь

всегда это замечал.

— Я видела рану, — сказала она. — Серебро. Без обработки он умрёт. Я — целитель. Я среагировала на пациента.

— Через границу.

— Я бы не пересекла.

По связи от Мирона — короткое, сухое: «*Пересекла бы.*» Яра проигнорировала.

Игорь молчал. Смотрел на дочь долгим, тяжёлым взглядом. Потом повернулся к Мирону.

— Ты узнал его?

Вопрос прозвучал неожиданно. Яра повернулась к брату. По его связи впервые проступило что-то сквозь стену — колебание. Нежелание говорить.

— Да.

— Кто?

— Дамир.

Тишина. Имя ничего не говорило Яре, но она видела, как изменились лица остальных. Савелий медленно опустил нераскуренную трубку. Рита отвернулась к окну. Игорь не изменился в лице, но по ментальной сети от него прошёл короткий холодный импульс, который Яра уловила раньше, чем отец его подавил.

— Ты уверен?

— Да.

— Откуда?

Мирон помолчал. Стена по связи чуть приоткрылась —

он понимал, что рассказывать придётся.

— Два года назад, — начал он вслух. Ровным голосом. — Осенняя охота. Мы гнали зайца вдоль восточного ручья. Стая работала цепью. Заяц ушёл к границе.

Яра нахмурилась. Она помнила ту охоту — вернее, только то, что Мирон вернулся без добычи. Сказал «ушёл». Больше ничего.

— Заяц перебежал на северную сторону, — продолжил Мирон. — Мы остановились на линии. Я стоял ближе всех. И тогда из ельника на той стороне вышел волк.

Он говорил медленно. Яра понимала: он рассказывает то, о чём молчал два года.

— Один. Патрульный обход. Крупный — заметно крупнее меня. Тёмная шерсть. Он увидел зайца, догнал в три прыжка и убил. Чисто. Без лишних движений.

Мирон замолчал.

— Дальше, — сказал Игорь.

— Он принёс добычу к границе. Положил на нашей стороне. На мох. Аккуратно. Отступил на свою сторону. Перекинулся в человека.

Яра заметила, как Мирон чуть запнулся перед следующими словами.

— Чёрные волосы. Высокий. Крепкий. Глаза — серо-голубые, холодные. Он посмотрел на меня, кивнул — и ждал.

— Он вернул вашу добычу, — сказал Савелий.

— Нашу добычу, которая ушла на его территорию, — по-

правил Мирон. — По закону — уже его. Он имел полное право забрать. Никто бы слова не сказал.

— Но не забрал.

— Нет. Положил перед нами. Без слов. Без ментальной связи — он же чужой, мы не слышим друг друга. Просто положил и ждал.

«*Ты забрал?*» — послала Яра по личной линии. Она уже знала ответ.

По связи от Мирона — короткая вспышка горечи. Старой, застарелой злости на самого себя.

— Нет, — сказал он вслух. — Не забрал.

— Почему? — спросил Игорь.

Мирон стиснул челюсть. Желваки заходили под скулами.

— Гордость.

Одно слово. Яра почувствовала по связи то, что он прятал два года. Мальчишеская, глупая обида. Чужой волк сделал благородный жест, а Мирон воспринял его как снисхождение. Как подачку от Северного, который оказался и быстрее, и великодушнее. И не смог принять.

— Заяц остался на границе, — добавил Мирон тише. — Никто его не взял. Наутро унесла лиса.

Савелий хмыкнул.

— Хороший корм пропал из-за двух упрямых щенков.

Мирон бросил на старика быстрый взгляд, но не возразил.

— Как ты узнал его сегодня? — спросил Игорь. — Он же был в звере.

— По глазам, — ответил Мирон. — Тогда, в человеческом обличье, он смотрел так же. Холодно. Спокойно. Будто заранее знал, что я откажусь. Будто его это не задело. Он не обиделся, не разозлился. Просто развернулся и ушёл.

Мирон помолчал.

— Такие глаза не забываешь. Серо-голубые. Цепкие. Сегодня у оврага — те же самые.

Яра посмотрела на брата. Впервые за весь день она видела Мирона не злым, не жёстким — растерянным. Этот волк дважды повёл себя так, как не ведут себя враги. И Мирон не знал, куда это уложить в своей картине мира.

— Кто он? — спросила Яра. — Для Северных.

Тишина.

— Сын Ратибора, — ответил Игорь. — Вожака Северных Клыков.

У Яры ноги стали ватными. Она вспомнила серые глаза на той стороне оврага. Спокойствие, которого не должно быть у раненого зверя. Как он стоял — прямой, неsgiбаемый, отказывающийся падать. Как опустил голову, принимая решение Мирона.

Сын вожака.

— Поэтому ты так отреагировал? — спросила она Мирона.

— Потому что если сын вожака Северных умрёт возле нашей границы с серебром в боку, — он посмотрел ей в глаза, и взгляд был абсолютно серьёзен, — это будет не инцидент.

Это будет война.

«*И потому что ты ему должен,*» — послала Яра по личной линии. Мягко. Без злости.

Стена по связи захлопнулась. Наглухо. Мирон отвёл взгляд.

Яра не стала давить.

Игорь продолжил:

— Дамир — сын Ратибора. Мирон — мой сын. Но у нас нет наследников.

— Почему? — спросила Яра.

Савелий ответил:

— Стаю ведёт не кровь, а сила. После смерти вожака стаю поведёт сильнейший.

Яра невольно посмотрела на Мирона. Тот поймал её взгляд.

— Не смотри так.

— Как?

— Будто уже решаешь, кто станет следующим.

Она не ответила. Игорь перевёл разговор:

— Серебро на нашей территории тревожит меня больше, чем сам Дамир.

— Случайность? — спросил Савелий.

— Нет. Случайности не происходят именно там, где их легче всего принять за провокацию.

Он прошёлся по комнате. Остановился у окна.

— Кто-то хотел, чтобы мы нашли раненого Северного у

нашей границы. Чтобы мы решили: они напали первыми. Или чтобы они решили: мы ранили их волка.

Яра вспомнила, как волк стоял на чужой стороне, не пытаясь пересечь овраг.

— Он не пересёк границу, — сказала она. — Ему было бы легче уйти через нашу территорию. Но он остался на своей стороне. Как тогда с зайцем — он знает, где линия, и не переступает.

По связи от Мирона — нехотя признанное уважение. Короткое. Тут же спрятанное.

Игорь долго смотрел на дочь.

— Именно поэтому мне нужно знать всё, что произошло у оврага. Всё ли ты рассказала?

Яра выдержала его взгляд. Она видела раненого и хотела помочь. Странное ощущение — серебро. Запах, показавшийся знакомым — совпадение. Голос в голове...

Голос в голове.

«Не пересекай черту.»

Три слова, прозвучавшие в её сознании с кристальной чёткостью. Голос чужого волка, которого она не знала, с которым у неё не было ментальной связи. Быть не могло.

Если рассказать — начнутся вопросы. Вопросы, на которые у неё нет ответов. Вопросы, которые приведут к единственному объяснению, в которое она отказывалась верить.

— Всё, — сказала она.

Игорь помолчал. По связи не давил, не проверял. Просто

смотрел. И Яра поняла: он ей не поверил. Но не стал спорить. Пока.

— Кто его ранил? — голос Яры дрожал от сдерживаемого гнева. — Серебро... Только Ловчие используют серебро. Только они настолько безумны, чтобы...

— Возможно, — сказал Игорь.

— Не «возможно». Кто ещё использует серебро?

— Или кто-то, кто хочет, чтобы мы так думали, — ответил Савелий. — Серебро можно достать. Трудно, но можно. Ловчие — не единственные, кто умеет с ним работать.

Игорь кивнул.

— Ловчие не работают в одиночку. Им нужны проводники. Люди или волки, которые знают территорию. Тропы. Расписание патрулей.

— Ты хочешь сказать...

— Капкан с серебром нашли на тропе, по которой ты ходишь собирать травы, — спокойно сказал Игорь.

Яра замерла.

— Совпадение.

— А раненый Северный у нашей границы?

— Тоже совпадение.

— Два совпадения — это закономерность.

«Кто-то нас изучает,» — послал Мирон по семейной линии. Коротко. Жёстко. — «Давно.»

— Никто за пределами этой комнаты не должен знать подробностей, — сказал Игорь. — Что нашли у границы. Кого

видели. Только личные линии. Только те, кому доверяете.

Савелий кивнул.

Мирон выпрямился.

— Патрули?

— Усилить. Восточную линию закрыть. До вечера никто не выходит за поселение один.

«Понял,» — от Мирона. Сухо. По-военному.

Игорь перевёл взгляд на дочь.

— Это касается и тебя.

— Особенно меня?

— Особенно тебя.

Яра раздражённо выдохнула. Хотела возразить, но поймала взгляд матери. Рита смотрела на неё молча, и по семейной связи прозвучало тихое: «*Не сейчас.*»

Яра кивнула.

В этот момент по связи стаи прокатилась короткая тревожная дрожь. Не от Игоря. От восточного дозора.

Мирон первым поднял голову.

За дверью — быстрые шаги. Дверь распахнулась. На пороге — молодой волк из патруля, тяжело дышащий.

— Игорь...

— Говори.

— На дереве у оврага. Знак. И... северная шерсть.

Тишина.

Яра почувствовала, как у неё похолодели ладони. Потом — злость. Чистая, яростная. Кто-то подбрасывал улики.

Оставлял серебро и чужую шерсть на их земле, чтобы натравить стаи друг на друга.

И Дамир — раненый, истекающий кровью — стоял у оврага, потому что знал. Он пришёл не за помощью. Он пришёл, потому что видел провокацию.

Мысль пронеслась быстро и ясно. Яра посмотрела на Мирона. По связи от него — короткое, жёсткое подтверждение: *«Да. Я тоже так думаю.»*

Игорь был уже на ногах.

— Мирон, Артём — со мной. Савелий — восточный дозор.

— Я иду, — сказала Яра.

— Нет.

— Я видела его рану. Я знаю, как далеко он мог уйти...

— Нет.

Игорь подошёл к ней. Положил руку на плечо. По семейной связи:

«Я не могу рисковать тобой. Не когда серебро ставили на твоей троне.»

Яра посмотрела ему в глаза. Увидела не жожака — отца. Уставшего. Встревоженного.

— Хорошо, — сказала она.

Мирон и Артём двинулись к двери. Артём задержался на мгновение. По личной линии — тихо:

«Скоро вернусь.»

«Хорошо.»

Дверь закрылась.

Яра осталась с матерью.

Рита молча усадила её на скамью и начала заваривать травы. Обычные движения — плошка, вода, сухие листья. По семейной связи от неё шло ровное, контролируемое молчание.

Яра смотрела в огонь.

— Мам.

— Да.

— Он вернул добычу. Два года назад. Положил зайца на нашей стороне и ушёл.

Рита не обернулась.

— Мирон рассказал?

— Только что.

— Два года молчал.

— Гордость.

Рита чуть улыбнулась.

— В вашего отца.

— Не говори ему это.

— Потому что правда?

Яра невольно фыркнула. Потом снова стала серьёзной.

— Кто-то пытается столкнуть нас с Северными. Серебро на нашей тропе. Знак у оврага. Чужая шерсть. А этот волк — Дамир — пришёл к границе, потому что знал. Он пытался показать, что Северные ни при чём.

Рита поставила перед ней плошку с горячим отваром.

— Ты много думаешь о нём.

— Я думаю о ситуации.

— Конечно.

Яра посмотрела на мать. Рита смотрела ровно, без улыбки, но в глазах было что-то — не насмешка. Вопрос.

— Что? — резко спросила Яра.

— Ничего. Просто ты его видела несколько минут. А рассуждаешь о его мотивах так, будто знаешь его давно.

Яра осеклась. Мать была права. Она видела чужого волка — раненого, молчаливого — и почему-то была уверена в его намерениях. Не из логики. Из чего-то другого.

— Он не опасен, — сказала Яра. — Опасный зверь не стоит на месте, когда к нему подходят. Нападает или убегает. А этот просто стоял.

— Чего ждал?

— Не знаю.

Яра обхватила плошку обеими руками. Глина была тёплой, но внутри неё клубился холод тревоги.

— Мне показалось, что я знаю его запах, — вдруг сказала она. Тихо. Будто сама удивилась.

Рита замерла.

— Морозная хвоя. Камень. Дым. Мне показалось, что когда-то... давно... я его уже чувствовала. Но не могу вспомнить, где.

Рита медленно села напротив. По семейной связи от ма-

тери — тихое, болезненное молчание. Будто Рита услышала в словах дочери эхо чего-то, что знала, но надеялась никогда не услышать.

— Может быть, показалось, — добавила Яра. — Серебро действует на обоняние.

— Может быть, — согласилась Рита.

Но не убедительно. Яра нахмурилась.

— Ты что-то знаешь.

— Я знаю много вещей. Не все нужно обсуждать прямо сейчас.

— Мам...

— Не сейчас.

В голосе матери была просьба. И что-то ещё — грусть? Страх? Рита закрылась по связи — мягко, но плотно.

Яра отступила.

Некоторое время сидели молча. За окном моросил дождь.

— Мам, — сказала Яра.

— Да.

— Если Ловчие ранили его специально... если он пришёл к границе, чтобы предупредить...

— Да?

— Значит, Северные — не враги.

Рита долго молчала.

— Один волк — ещё не стая.

— Но стая начинается с одного.

Мать посмотрела на неё. В её взгляде мелькнуло что-то —

может быть, гордость, может быть, страх.

«*Ты так похожа на отца,*» — прозвучал её мысленный голос по семейной связи.

«*Это плохо?*»

«*Это опасно.*»

Яра поставила плошку на стол. За окном дождь усилился. Где-то далеко — на самом пределе слуха — прозвучал волчий вой. Короткий. Хриплый.

Потом тишина.

Яра прислушалась. В её голове, на самом дне сознания, молчала тонкая, невозможная линия. Пустая. Безмолвная.

Она не думала о голосе, который прозвучал у оврага. О серо-голубых глазах, в которых раненый зверь нёс больше достоинства, чем иные — в полном здравии.

Не думала.

За окном темнело. Где-то в лесу отец, брат и друг шли к дереву с серебряным ножом. Где-то за границей раненый волк с чёрной шерстью продолжал идти.

Или уже не мог.

Яра сжала плошку так, что глина хрустнула.

Глава 3. Серебряная нить

Они вернулись через два часа.

Яра услышала их раньше, чем увидела. Три фигуры шли от ворот к большому дому. Игорь — впереди, ровным шагом. Мирон — чуть позади, прямой, жилистый, руки сжаты в кулаки. Артём — замыкающий, тёмные волосы мокрые от дождя, карие глаза скользят по сторонам, проверяя фланги даже здесь, в поселении.

Рита тоже поднялась. Молча поправила волосы.

Дверь открылась, и Игорь вошёл первым. Он положил на стол свёрток из грубой ткани. Яра сразу уловила специфический, жгучий запах отравленного металла, смешанный со свежей древесной смолой и чужой кровью.

— Клинок, — коротко сказал Игорь, разворачивая ткань.

На столе лежало оружие с узким, тускло поблёскивающим лезвием и простой кожаной рукоятью. Не охотничий нож — инструмент, созданный для одной-единственной цели. Рядом Игорь положил клок тёмной шерсти.

— Воткнуто в кедр. На нашей стороне оврага, — произнёс отец. — А чуть выше лезвия в коре вырезаны три параллельные борозды.

Савелий, появившийся в дверях, нахмурился.

— Три линии. У Северных так обозначают границу охотничьих угодий.

— Значит, кто-то хочет, чтобы мы решили: Северные метят нашу территорию, — сказала Яра.

— Или чтобы Северные решили, что мы украли их метку и выставили как трофей, — добавил Мирон. — В любом случае — провокация. Профессиональная.

Игорь сел за карту и взял красный карандаш. Он поставил точку там, где нашли нож. Рядом — ещё одну, где утром был обнаружен кровавый след Дамира. И третью — где на прошлой неделе сняли отравленный капкан. Три вершины неровного треугольника, сжимающегося вокруг поселения.

— Нас окружают, — тихо констатировал Мирон.

— Терпеливо и методично, — кивнул Игорь. — И делает это тот, кто прекрасно знает наши тропы.

— Ловчие так не работают, — возразил Савелий. — Они грубее. А это слишком тонкая игра.

— Артём, — Игорь поднял взгляд на друга сына. — Что ты нашёл у дерева?

Артём шагнул вперёд. До этого он стоял у двери, молчаливый и внимательный.

— Их было четверо, — сказал он. — Не трое, как казалось поначалу. Один втыкал клинок. Двое прикрывали. А четвёртый стоял в стороне, на тропе, и смотрел в сторону поселения.

— Откуда знаешь? — прищурился Мирон.

— Следы. Три пары ног топтались у кедра, четвёртая — поодаль. Этот человек стоял там долго. Курил. Я нашёл оку-

рок с дешёвым, горьким табаком. Никто из волков такое курить не станет — чутьё не выдержит. Значит, люди. Но этот четвёртый встал так, чтобы видеть нашу сторону. Он точно знал расписание дозорных.

Яра почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— У Ловчих появился проводник, — произнесла она. — Кто-то, кто знает обе стаи.

В комнате повисла тяжёлая тишина. По ментальной сети прошла рябь неприятного, липкого осознания.

— Среди наших? — хрипло спросил Мирон.

— Или среди Северных, — ответил Игорь. — С этого момента — никому ни слова. По открытой связи не общаться. Используйте только личные линии и только с теми, кому доверяете жизнь.

Вожак обвёл комнату взглядом, и каждый молчаливо принял приказ.

Вечер пришёл рано, затянув небо тяжёлыми тучами.

Яра сидела у себя в комнате, механически перебирая сушёные травы. Мята, чабрец, тысячелистник. Знакомые ароматы обычно успокаивали, но сейчас руки двигались сами по себе, а мысли разбегались.

Она раз за разом возвращалась к оврагу. К трём точкам на карте. К тонкой линии в собственном разуме, о которой старалась не думать.

«*Не спишь?*» — мягко коснулся её сознания голос Артёма.

«Нет.»

«Думаешь?»

«Пытаюсь.»

По его линии пришло тёплое, обволакивающее чувство безопасности. Артём сидел где-то на крыльце, охраняя её покой.

«Хочешь поговорить?» — спросил он.

«Не знаю... Да.»

Артём не стал заходить в комнату. Он остался снаружи, но его ментальное присутствие стало чётче, словно он сел совсем рядом.

«Артём,» — позвала она мысленно. — «Ты видел его глаза?»

Пауза.

«Видел.»

«Он не боялся. Почему?»

Артём долго молчал. Яра физически ощущала, как он подбирает слова.

«Может быть, ему нечего было терять,» — пришло наконец. — «Или он знал, что мы не нападём первыми.»

Яра отложила пучок полыни.

«Мне показалось...» — она запнулась, даже мысленно. — «Что я знаю этот голос.»

На том конце линии повисла абсолютная, звенящая тишина. Яра уловила мгновенный всплеск горечи, который Артём тут же задавил, укрыв привычной заботой.

«Ты устала, Яра,» — его мысленный голос звучал ровно. — «Столько событий за один день. Твоё сознание ищет объяснения там, где их нет.»

Яра с облегчением ухватила за эту соломинку.

«Да. Ты прав.»

«Постарайся уснуть. Я буду здесь.»

Связь не оборвалась, Артём просто приглушил её, оставаясь надёжным фоном на краю её восприятия. Яра легла, укрылась одеялом и закрыла глаза.

Сон начался как обычно, но затем мир вокруг неуловимо исказился.

Лес стал чужим. Ели казались выше и темнее, а под лапами хрустел мокрый, не по сезону выпавший снег. Ветер нёс незнакомые запахи.

Яра не видела себя. Она смотрела на мир с другой высоты, из чужого тела.

Это было так странно, что она попыталась проснуться, но сон держал мёртвой хваткой. Её — или точнее его — дыхание вырывалось с хрипом. В правом боку пульсировала тупая, тянущая боль, отдаваясь в каждом шаге. Мышцы казались свинцовыми.

Дамир.

Имя само пришло на ум, без объяснений, без причины. Просто знала, что это он.

Он шёл почти бесшумно, несмотря на рану. Вдруг замер.

Впереди сквозь густой ельник пробивались голоса. Человеческие.

Тело прижалось к снегу. Яра ощутила обжигающий холод животом. Дамир медленно подполз ближе. Между деревьями маячили три тёмных силуэта.

— Значит, первая приманка сработала, — сказал один из мужчин.

— Не до конца, — отозвался второй.

— Почему?

— Девчонку остановили.

Яра похолодела. *Девчонку.* Это о ней.

— Это ничего не меняет. Оставим второй знак. Уже на их стороне.

— А девчонка? Ты видел, как она рванулась к оврагу? Если бы не тот парень...

Первый силуэт тихо рассмеялся.

— Тем лучше. Значит, в следующий раз её не остановят.

Тело Дамира напряглось, как перед прыжком. Мышцы свело судорогой, боль в боку вспыхнула с новой силой, но он подавил её железной волей. Он лежал в снегу в десяти метрах от людей, обсуждающих, как использовать её слабость, чтобы развязать войну.

— Когда следующий знак?

— Завтра. Ближе к поселению.

— Рискованно.

— Волки должны это увидеть.

Дамир начал медленно, по миллиметру, отползать назад. Когда дистанция стала безопасной, он с трудом поднялся, оперевшись о ствол дерева. Тяжело дыша, посмотрел на юг. В сторону территории Таёжных.

Он шёл предупредить.

Мысль ударила Яру с ослепительной ясностью. Истекая кровью, отравленный, он шёл к их границе не за спасением. Он шёл, чтобы сорвать планы Ловчих.

Сон начал рассыпаться. Чужой лес таял, боль исчезала. И в самый последний момент, когда реальность уже готова была вытеснить видение, в её голове раздался щелчок.

«Проснись.»

Одно слово. Тот же глубокий, холодный голос.

Яра рванулась на кровати, жадно глотая воздух. Комната тонула в ночной мгле. Сердце колотилось о рёбра.

Она провела дрожащими пальцами по лицу.

Голоса были слишком чёткими. *«Второй знак. Завтра. Ближе к поселению.»* Подсознание не выдумывает таких деталей. А голос в конце разорвал её ментальную тишину с пугающей чёткостью.

За дверью послышались шаги.

«Яра?» — раздался голос Артёма по связи. Тревожный, мгновенно проснувшийся.

«Зайди.»

Дверь приоткрылась. Артём вошёл бесшумно, его глаза в темноте слабо отсвечивали янтарём.

— Что случилось? — спросил он вслух, садясь на стул у кровати.

Яра обхватила колени руками.

— Сон. Чужой лес. Снег. Трое людей обсуждали второй знак. Они собираются поставить его завтра, прямо у нашего поселения.

Артём нахмурился.

— Это мог быть просто кошмар.

— Я слышала их слова, Артём. Я видела лес его глазами. Лицо друга закаменело.

— Ты видела сон глазами Дамира? — он произнёс это медленно, взвешивая каждый слог.

— Я знаю, как это звучит. Но детали слишком точные. Они говорили обо мне. О том, что меня остановили у оврага, и что в следующий раз они на это рассчитывают.

Артём долго молчал. По его ментальной линии не просачивалось ни единой эмоции — идеальная блокада.

— Нам нужно к Игорю, — наконец сказал он. — Если знак действительно поставят ночью, утром будет поздно.

В большом доме горела одинокая лампа. Игорь сидел за картой, подперев голову рукой.

Он поднял взгляд, когда они вошли.

«Что?» — коротко спросил он по связи.

«Яра видела сон. С важными деталями,» — деловито отозвался Артём.

Яра села напротив отца и пересказала всё: разговор людей, план со вторым знаком. Она умолчала лишь о том, чьи-ми глазами смотрела, и о последнем слове, разбудившем её.

Игорь выслушал, не перебивая. Взял карандаш и обвёл область у восточной границы поселения.

— Если они сунутся сюда, их найдут утренние патрули. Эффект будет максимальным.

Вожак поднял голову.

«Мирон,» — позвал он сына.

Брат появился через пару минут, полностью одетый.

— Ночной патруль. Восточный сектор. Выдвигайся сейчас, работай без шума, — приказал Игорь вслух.

Мирон кивнул, бросил быстрый взгляд на сестру и вышел.

Игорь посмотрел на Яру.

— Иди спать. Утром мы узнаем, был ли это просто сон.

Яра и Артём вышли на крыльцо. Дождь перестал, но воздух был сырым и холодным.

«Артём,» — позвала она мысленно.

«Да.»

«Если завтра найдут знак...»

«Тогда мы поговорим,» — его мысленный голос был осторожным. — «О том, почему ты видишь мир глазами волка, с которым у тебя не должно быть никакой связи.»

Яра отвернулась.

«Это просто совпадение.»

«Спокойной ночи, Яр,» — мягко ответил он, не став спо-

рить.

Она вернулась в кровать, но сон не шёл. В абсолютной тишине комнаты она прислушивалась к своему сознанию. Пустой канал молчал, но само его наличие не давало покоя.

Чужой голос. И чувство, что этот голос — правильный.

Она не знала, что с этим делать. Пока — не знала.

Глава 4. Враг на пороге

Яра проснулась от голоса Мирона.

Не ментального — обычного. Он стоял за дверью и стучал — коротко, настойчиво, костяшками.

— Яра. Вставай.

Она открыла глаза. Комната была серой от предрассветных сумерек. За окном — ни дождя, ни ветра. Тишина, от которой закладывало уши.

— Яра.

— Слышу, — хрипло ответила она.

Голова была тяжёлой. Сон после разговора с отцом был чёрным и пустым, без видений. Но тело не отдохнуло. Будто она всю ночь бежала.

Она оделась, заплела ореховые волосы в быстрый узел и вышла на крыльцо.

Мирон стоял внизу. Лицо серое от недосыпа, под глазами — тёмные круги. Он не спал вообще — Яра видела это по тому, как он держал плечи. Прямо, жёстко, на одной силе воли.

Рядом — Артём. Тёмные волосы мокрые от росы, куртка застёгнута до горла. Он посмотрел на Яру, и его карие глаза сказали ей всё раньше, чем он открыл рот.

— Нашли, — сказал Мирон.

Яра медленно спустилась с крыльца.

— Где?

— Восточная тропа. Между кузницей и старым колодцем.

Там, где отец отметил на карте.

Точно там, где она сказала. Точно там, где показал её сон.

Воздух стал холоднее. Или это ей показалось.

«Яра,» — голос Артёма по связи. Тихо. Осторожно. —

«Ты обещала со мной поговорить.»

«Не сейчас.»

«Яра...»

«Не. Сейчас.»

Артём замолчал. Он не давил. Он никогда не давил. Просто ждал, и от этого было хуже, потому что Яра знала: рано или поздно ей придётся ответить.

Мирон смотрел на неё. Потом на Артёма. Потом снова на неё.

— Откуда ты знала? — спросил он.

Голос ровный. Но Яра слышала то, что пряталось под ровностью. Не злость. Вопрос, который жёг его изнутри.

— Сон, — сказала она.

— Сон.

— Да.

— Ты увидела во сне, где поставят знак, и он оказался именно там.

— Да.

Мирон несколько секунд молча смотрел на неё. Потом:

— Отец ждёт.

Он развернулся и пошёл к большому дому. Яра двинулась следом. Артём — рядом, чуть позади.

В большом доме былолюдно.

Кроме Игоря и Савелия, у стола стояли двое патрульных из ночной смены. Молодые, взъерошенные, с тем выражением, которое бывает у людей, нашедших то, чего не ожидали.

На столе лежал второй нож. Похожий на первый — узкое лезвие, серебряная кромка, кожаная рукоять. Рядом — ещё один клочок шерсти. И обрывок ткани — грубое сукно, бурое, с тёмным пятном.

Яра подошла ближе. Запах серебра ударил в нос, за ним — чужая кровь. И ещё что-то. Она наклонилась к ткани.

Человеческая кровь. Не волчья.

— Ткань зацепилась за ветку у тропы, — сказал один из патрульных. — Кто-то порвал одежду, когда ставил знак.

— Торопился, — добавил второй.

Игорь стоял у окна. Спина к комнате. Он не обернулся, когда вошла Яра, но по ментальной сети от него пришло короткое: «Сядь.»

Яра тут же последовала приказу. Мирон встал у стены. Артём — у двери.

Игорь дождался, пока патрульные закончат доклад, поблагодарил их коротким кивком и отпустил. Когда дверь закрылась, в комнате остались свои: Игорь, Рита, Савелий, Мирон, Артём, Яра.

Игорь повернулся.

— Знак был именно там, где ты сказала.

Яра кивнула. Горло пересохло.

— Три линии. Северная метка. Нож с серебром. Шерсть.

— Да.

— И ткань с человеческой кровью, которой не было в первый раз.

Игорь подошёл к столу. Положил ладони на карту. Красных точек стало четыре.

— Значит, твой сон оказался точным.

Яра молчала.

— Я не спрашиваю, как, — продолжил Игорь. Голос спокойный. Но Яра видела, как напряжены его руки. — Я спрашиваю — что ещё ты видела?

Яра посмотрела на мать. Рита стояла у очага, сложив руки перед собой. Лицо спокойное. Но глаза — внимательные, напряжённые — не отрывались от дочери.

— Я видела лес, — начала Яра. Медленно, подбирая каждое слово. — Чужой. Ели выше наших. Снег, хотя сейчас осень. Ветер пах другой хвоей.

— Ты видела через него, — сказал Мирон.

Не вопрос. Утверждение. Яра резко повернулась к брату.

— Это был сон.

— Сон, который совпал с реальностью. До детали.

— Бывают пророческие сны. Савелий рассказывал.

Савелий поднял голову.

— Рассказывал. Но пророческие сны не показывают мир чужими глазами.

Яра стиснула зубы.

— Я не видела его глазами. Я видела... место. Обстановку. Детали.

— И его боль? — тихо спросила Рита.

Яра замерла. Посмотрела на мать.

— Что?

— Ты чувствовала его боль? Рану? Серебро?

Яра открыла рот. Закрыла. Потому что — да. Она чувствовала. Тупую, пульсирующую тяжесть в правом боку. Тепло, которое было больше и сильнее её собственного, но измученное, на пределе. Каждый шаг через усилие.

— Это был сон, — повторила она. Тише. Менее уверенно.

Рита ничего не сказала. Но по семейной связи прозвучал её голос — тихо, только для Яры:

«Мы поговорим. Потом. Одни.»

Игорь постучал карандашом по столу.

— Сейчас меня интересует не природа сна. Меня интересует информация.

Все посмотрели на него.

— Трое людей, — продолжил он. — Ты слышала их разговор. Что именно они сказали?

Яра заставила себя сосредоточиться. Отодвинула страх, отодвинула вопросы, оставила только факты. Как целитель, осматривающий рану: сначала — что видишь, потом — что

это значит.

— Один сказал: первая приманка сработала. Второй ответил: не до конца. Девчонку остановили.

Она почувствовала, как Мирон напрягся. Он понял, что «девчонка» — это Яра.

— Первый сказал, что это ничего не меняет. Что оставят второй знак. Уже на нашей стороне.

— Ближе к поселению, — добавил Игорь.

— Да.

— Что ещё?

Яра помолчала. Восстанавливала разговор в памяти.

— Один спросил про меня. Сказал: если бы не тот парень... Первый ответил: тем лучше, значит, в следующий раз её не остановят.

Тишина.

— Они рассчитывают на тебя, — сказал Савелий. Голос ровный, без ворчания. Это было хуже ворчания.

— На мой характер, — горько уточнила Яра. — На то, что я полезу помогать. На то, что пересеку границу.

— И что это даст? — спросил Мирон.

— Войну, — ответил Игорь. — Целительница Таёжной стаи, дочь вожака, пересекает границу. Северные находят её на своей территории. Что они подумают?

— Что мы напали, — тихо сказал Артём.

— Или что мы послали разведку, — добавил Савелий. — Или что мы забрали их раненого. В любом случае — ответ

будет кровью.

Яра сжала кулаки. Она понимала. Она наконец, ясно, до конца понимала, почему Мирон остановил её у оврага. Не из жестокости. Не из гордости. Он увидел то, чего не видела она: ловушку. Её использовали. Её характер, её инстинкт целителя, её упрямство — всё это было просчитано, как ходы в шахматной партии.

— Они знают меня, — сказала она. — Они изучали меня.

— Да, — ответил Игорь.

— Давно?

— Достаточно давно, чтобы знать, по какой тропе ты ходишь за травами. Достаточно, чтобы рассчитать твою реакцию на раненого зверя.

Яра почувствовала, как по спине пробежал холод. Не страх — отвращение. Её просчитали. Как зверя, которого гонят в загон.

— Что теперь? — спросил Мирон.

Игорь долго молчал. Смотрел на карту с четырьмя красными точками.

— Теперь мы перестаём играть по их правилам.

— Как?

Игорь поднял голову.

— Они ждут, что мыотреагируем на знаки. Что испугаемся. Что ответим. Значит, мы не будем реагировать. Знаки убрать. Тихо. Без паники. Стая не должна знать.

Савелий кивнул.

— Они ждут, что Яра пойдёт к границе снова. Значит, она не пойдёт.

Яра стиснула зубы, но промолчала. Игорь прав. Она это ненавидела, но он был прав.

— И ещё, — Игорь посмотрел на дочь. — Ты сказала, что Дамир был рядом, когда они говорили. Что он слышал разговор.

— Да. В... во сне.

— Если это правда, значит, Северные уже знают о провокации. Или, по крайней мере, знает Дамир.

— Он пришёл к границе, чтобы предупредить, — сказала Яра.

— Возможно.

— Не «возможно». Он был ранен, отравлен серебром и шёл пешком. Не за помощью. Чтобы показать.

— Ты не можешь этого знать, — ровно сказал Мирон.

— Я видела.

— Во сне.

— Который совпал с реальностью!

Мирон посмотрел на неё. В его глазах было что-то, похожее на боль.

«Я не спорю с тобой ради спора,» — прозвучал его голос в её голове. — «Я спорю, потому что если ты права... если ты действительно видела мир его глазами... значит, между вами есть связь. А связь с чужим волком означает только одно. И ты это знаешь.»

Яра отвернулась. Стиснула зубы так, что заныла челюсть.
«Это был сон, Мирон.»

«Который совпал с реальностью,» — эхом вернулись её собственные слова.

Она не ответила.

Игорь хлопнул ладонью по столу. Негромко, но все замолчали.

— Хватит. Природу сна мы обсудим позже. Сейчас — дело.

Он обвёл взглядом комнату.

— Артём. Что ты нашёл у знака?

Артём отошёл от двери. Подошёл к столу.

— Четверо, — сказал он. — Не трое. Четверо.

Яра повернулась к нему.

— Я слышала троих.

— Четвёртый не подходил к остальным. Стоял дальше, на тропе. Смотрел в сторону поселения.

Он показал на карте.

— Один ставил знак. Двое прикрывали. Четвёртый — наблюдатель.

— Откуда ты знаешь? — спросил Савелий.

— Следы. Четыре пары ног. Три сходятся у дерева. Четвёртая — в стороне. Человек стоял долго, переминался. Курил — нашёл окурок.

Артём положил на стол смятый бумажный цилиндрик. Яра наклонилась. Табак. Дешёвый, с горьким запахом. Не

волчий — оборотни почти не курили, слишком чувствительное обоняние.

— Люди, — сказала она.

— Люди, — подтвердил Артём. — Но четвёртый стоял так, чтобы видеть нашу сторону. Значит, он знал, где наши дозорные. И знал, когда они проходят.

— Проводник, — сказал Игорь.

— Или кто-то, кто долго наблюдал, — ответил Артём.

— Следы уходят?

— На юго-восток. К территории Северных. Но петляют — специально, чтобы сбить с толку.

Игорь кивнул. Потом посмотрел на всех по очереди.

— Значит, так. Знак убрать. Шерсть и ножи — спрятать, не уничтожать. Это улики. Патрули усилить, но без паники. Стая не должна знать деталей.

— Дозорным что говорить? — спросил Мирон.

— Правду, но не всю. Нашли следы чужаков. Усиливаем охрану. Без подробностей.

Мирон кивнул.

— И ещё, — Игорь помолчал. — Мне нужно знать, кто этот четвёртый. Человек, который знает наши маршруты. Который стоял и курил, пока остальные втыкали нож в наш кедр.

— Ловчий? — спросил Савелий.

— Может быть. А может — проводник. Местный. Тот, кто знает оба мира — наш и их.

По ментальной сети прошла рябь. Неприятная, тревожная.

— Среди наших? — снова спросил Мирон. И на этот раз его голос был не хриплым — тихим.

— Я не знаю, — честно ответил Игорь. — Пока — не знаю. Но узнаю.

Он произнёс это так, как говорил только о вещах, в которых был абсолютно уверен. Спокойно. Тяжело. Окончательно.

Яра посмотрела на карту. Четыре красные точки. Дуга, охватывающая поселение с юга и востока.

— Они не закончили, — сказала она.

Все посмотрели на неё.

— Следы слишком спокойные. Артём сказал — четвёртый стоял, переминался, курил. Они не торопились. Не боялись, что их найдут. Они уверены, что скоро вернутся.

Артём кивнул.

— Она права. Они уходили не так, как уходят после удачной ловушки. А так, будто это была рутина.

Игорь долго смотрел на дочь. Потом — на карту. Потом — в окно, за которым медленно светало.

— Значит, у нас мало времени, — сказал он.

И впервые за всё утро Яра увидела в его лице не вожака и не отца. А человека, который понимает, что буря уже началась, и считает секунды до удара.

Совет закончился быстро. Мирон ушёл первым — организовывать патрули. Савелий — за ним, на восточный дозор. Артём задержался у двери.

«Яра.»

«Да.»

«Ты обещала поговорить со мной.»

Она посмотрела на него. Он стоял в дверном проёме — широкоплечий, спокойный, терпеливый. Его карие глаза смотрели без осуждения. Без нажима. Просто — ждали.

«Я не готова,» — послала она честно.

«Я знаю. Но когда будешь — я здесь.»

«Ты всегда здесь.»

«Да.»

Он ушёл. Дверь закрылась.

Яра осталась с родителями. Рита подошла и села рядом.
— Мам.

— Да.

— Ты знаешь, что со мной происходит.

Рита молчала.

— Ты знала ещё вчера. Когда я сказала про запах.

— Да, — тихо ответила мать.

— Тогда скажи.

Рита посмотрела на Игоря. Тот стоял у окна спиной к ним. По ментальной сети от него — тяжёлая, контролируемая тишина.

— Скажи, — повторил Игорь, не оборачиваясь.

Рита повернулась к дочери. Взяла её за руку.

— Ты слышала его голос, — сказала она. Не вопрос.

Яра похолодела.

— Что?

— В голове. Его голос. Не ментальную связь стай — а его.

Чужого. Незнакомого.

Яра отдёрнула руку.

— Нет. Я...

— Яра.

Голос матери был мягким. Но в нём звучала та непоколебимая уверенность, с которой целители ставят диагнозы, от которых нельзя спрятаться.

— Это невозможно, — сказала Яра. — Ментальная связь не работает между чужаками. Нужны годы. Общая стая. Кровь.

— Да, — согласилась Рита. — Всё это правда. За одним исключением.

— Нет никакого исключения.

— Есть.

— Это сказка!

Голос сорвался. Яра сама не ожидала. В комнате стало тихо. Потрескивал огонь в очаге.

Рита не отвела взгляда.

— Яра. Сколько раз ты слышала его?

Молчание.

— Сколько?

— Два, — прошептала Яра. — Два раза.

— Что он говорил?

Яра закрыла глаза.

— Первый раз у оврага. *Не пересекай черту.*

Рита кивнула. Спокойно. Будто слышала то, что ожидала.

— Второй?

— Во сне. *Проснись.*

— Он разбудил тебя.

— Это был сон!

— Который совпал с реальностью. И в котором он сказал тебе проснуться — и ты проснулась.

Яра стиснула зубы. Аргументы заканчивались. Она отчаянно цеплялась за рациональные объяснения, но они рассыпались одно за другим, как сухие листья.

Игорь наконец повернулся от окна.

— Ментальная связь между незнакомыми волками из разных стай невозможна, — сказал он. Голос ровный. Тяжёлый. — Для неё нужны годы близости. Доверие. Общая кровь. Это закон.

Яра кивнула. Вот. Отец понимает.

— Существует только одно исключение, — продолжил он. — Только один случай, когда связь возникает мгновенно. При первой встрече. Без стаи, без крови, без лет.

— Нет, — сказала Яра.

— Истинная пара.

— Нет.

Слово вырвалось как удар. Яра встала. Стул скрипнул по полу.

— Нет. Это сказка. Легенда. Этого не существует.

— Существует, — тихо сказала Рита.

— Откуда ты знаешь?!

Рита посмотрела на Игоря. Долго. И Яра увидела, как между родителями прошло что-то. Понимание. Старое, глубокое, выстроенное за двадцать лет.

— Откуда... — начала Яра. И осеклась.

— Мы были из разных стай, — сказал Игорь. Просто. Без пафоса. — Когда мы встретились, я услышал её голос в своей голове. Она — мой. Мы не знали друг друга. Не принадлежали одной стае. По всем законам это было невозможно.

Яра смотрела на отца. Потом на мать. И обратно.

— Вы...

— Истинная пара, — закончила Рита. — Да.

— Почему вы никогда не говорили?

— Потому что это не та история, которую рассказывают, пока не придёт время, — ответил Игорь.

— А сейчас пришло?

Он посмотрел на неё. И в его взгляде — впервые — Яра увидела не жоака. Не стратега. Отца, который смотрит на дочь и понимает, что её жизнь только что изменилась навсегда.

— Судя по тому, что ты слышишь голос Северного волка

в своей голове — да. Пришло.

Яра медленно опустилась обратно на стул. Ноги не держали.

Истинная пара. Дамир. Сын вожака Северных Клыков. Чужой. Враг — если не по факту, то по привычке, по закону границы, по крови двух стай, которые двадцать лет смотрели друг на друга через овраг.

— Нет, — сказала она. Тише. Почти шёпотом. — Нет. Два слова — это ничего не доказывает. Связь Истинных пар — она должна быть сильной. Полной. Эмоции, чувства, ощущения. А я слышу только голос. Два раза. Два слова.

— Потому что связь только зародилась, — мягко сказала Рита. — Она тонкая. Нестабильная. Как росток, который только пробился через землю.

— Или это не связь. А серебро. Или стресс. Или что угодно.

— Ты сама в это веришь?

— Да!

Рита смотрела на неё.

— Нет, — прошептала Яра.

«Я знаю, что ты сейчас чувствуешь. Я чувствовала то же самое. Страх. Злость. Ощущение, что мир рушится. Я тоже не хотела верить,» — раздался голос матери в голове.

«И что потом?»

«Потом я перестала бороться. И поняла, что мир не рушится. Он просто становится больше.»

Яра закрыла глаза. В темноте, на самом дне сознания, молчала тонкая, невозможная линия. Пустая. Безмолвная.

И впервые она не стала искать ей объяснений.

Некоторое время никто не говорил. Потрескивал огонь. За окном светало.

Игорь первым нарушил молчание.

— Это меняет всё.

Яра подняла голову.

— Что именно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.